

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-1.2>

УДК 330.8

JEL В 00, В 41

«Учение о цивилизации» академика Шторха и его место во взаимовлиянии западной и русской экономической мысли¹

Владимир С. АВТОНОМОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е. М. Примакова РАН, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Автономов, В. С. (2024). «Учение о цивилизации» академика Шторха и его место во взаимовлиянии западной и русской экономической мысли. *AlterEconomics*, 21(1), 6–19.
<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-1.2>

Аннотация. В статье рассматривается теория внутренних благ (она же теория цивилизации) Андрея Карловича (Генриха) Шторха, изложенная им в «Курсе политической экономии» (1815 г.). К внутренним благам Шторх относил важные нематериальные факторы благосостояния, без которых невозможно общественное развитие. Свою позицию первый российский экономист-академик противопоставил взглядам Смита и Сэя, которые считали производительным только труд, производящий материальные блага. Книга Шторха получила известность во всей Европе, он стал первым авторитетным на Западе российским экономистом. В число европейских экономистов, на которых он оказал воздействие, можно назвать Ф. Листа и Ш. Дюнуайе. Теория Шторха сложилась под влиянием специфически российских факторов, среди которых выделяется крепостничество, последовательным противником которого он был. Теорию Шторха, который в большинстве остальных аспектов был смитианцем, можно считать первым примером излагаемой в статье схемы взаимодействия западной и российской экономической мысли, согласно которой идеи приходят с Запада, модифицируются под воздействием российских реалий и затем оказывают обратное влияние на западных экономистов.

Ключевые слова: Андрей Шторх, история российской экономической мысли, история западной экономической мысли, взаимовлияние западной и российской экономической мысли, нематериальные факторы экономического развития

¹ © Автономов В. С. Текст. 2024.

RESEARCH ARTICLE

Exploring Academician Storch's "The Doctrine of Civilization" in the Context of Western and Russian Economic Thought

Vladimir S. AVTONOMOV ✉

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of RAS, Moscow, Russian Federation

For citation: Avtonomov, V. S. (2024). Exploring Academician Storch's "The Doctrine of Civilization" in the Context of Western and Russian Economic Thought. *AlterEconomics*, 21(1), 6–19.

<https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-1.2>

Abstract. The article deals with Heinrich Storch's theory of internal goods found in his *Course of Political Economy* (1815), which expands beyond tangible goods to include intangible elements essential for societal well-being and social development. As the first Russian economist and a member of the Academy of Sciences, Storch challenged the views of Smith and Say, who limited productivity to the creation of material goods through labor. Storch gained widespread recognition in Europe, becoming a pioneering Russian economist to make a mark in the West. His influence extended to notable figures like F. List and C. Dunoyer. Storch's theory was shaped by specific Russian circumstances, notably his strong opposition to serfdom. Storch's theory illustrates the interplay between Western and Russian economic thought explored in this article. Within this framework, ideas emanate from the West, are adapted to Russian conditions, and subsequently wield influence over Western economists.

Keywords: Heinrich Storch, history of Russian economic thought, history of Western economic thought, mutual influence of Western and Russian economic thought, non-material factors of economic development

1. Введение. О взаимодействии русской и западной экономической мысли

Вопрос о соотношении русской и западной экономической мысли всегда был для русских историков достаточно чувствительным. Здесь можно выделить несколько основных позиций.

Первая заключалась в том, что русская мысль постоянно отстает от западной и занимается усвоением (и искажением) западных идей. К ярким представителям этого направления можно отнести Владимира Святловского (Святловский, 1923) и Джека Нормано (Исаака Левина) (Normano, 1945). Действительно, периоды западного воздействия на русскую экономическую мысль достаточно легко выделить в истории. Это французское влияние при Екатерине II (разумеется, до Великой Французской революции), английское — при Александре I до 1820-х гг., когда монарх впал в религиозный мистицизм и охладел к политической экономии, французское — при Николае I, немецкое при его преемниках в 1860–1880-е гг.

Однако понятно, что в великой державе, которой Российская империя являлась с начала XIX в., такая позиция не могла разделяться многими патриотически настроенными историками, подчеркивавшими специфические черты русской экономической мысли и ее своеобразно истолкованное лидерство. Наиболее рельефно эту вторую позицию высказал Л.И. Абалкин, включивший в «русскую экономическую школу» мыслителей от Посошкова до Туган-Барановского (кстати, включая Ленина), среди которых был распространен этический подход и неиндивидуалистическая методология. Эта специфичность рассматривалась не как недостаток, а как важное преимущество в сравнении с западной мыслью, разделяющей

экономические и моральные вопросы. То, что мы отставали от Запада на «пути, ведущем в пропасть», давало надежду.

Сторонники третьей позиции, разделяя идею о превосходстве русской мысли над западной, не отрицали их общего предмета, но подчеркивали первенство или превосходство русских исследователей над западными всюду, где были хоть малейшие к тому основания. Таким образом, упор делался на том, что преимущество достигалось «на поле противника». Такой подход получил наибольшее распространение в приснопамятную эпоху «борьбы с космополитизмом», получившую в народе красноречивое обозначение «Россия — родина слонов». Надо сказать, что этот подход не мог не отразиться в монографии В.М. Штейна (Штейн, 1948), вышедшей в самый разгар антикосмополитической кампании. Следы его можно найти и в трехтомнике под редакцией А. Пашкова (1955–1966).

Конечно, встречались и более уравновешенные подходы, хотя им приходилось пробиваться под гнетом точек зрения, насаждаемых сверху. Любопытно и, видимо, не случайно, что наиболее продуктивные исследователи в этой области не были специалистами по истории отечественной экономической мысли, которая в советское время под идеологическим прессом стала «бесплодной пустыней». Такова история русской экономической мысли И.Г. Блюмина (Блюмин, 1940), который написал ее, будучи отлученным от своих замечательных трудов по истории маржинализма за грех под названием «объективность». Такова книга В.М. Штейна (Штейн, 1948), который был по основному месту работы китаистом, и труды А.В. Аникина, специалиста по кредитной системе современного капитализма. В дальнейшем подобных исследователей стало больше, но мы в данной работе ищем свое место в координатах, заданных перечисленными выше крайними подходами.

Предложенная нами схема взаимодействия русской и западной экономической мысли такова:

- 1) экономические идеи приходят в Россию с Запада;
- 2) здесь они модифицируются в соответствии со специфическими российскими факторами и предстают в «особенной искаженной форме» (Barnett, 2004, p. 22);
- 3) иногда происходит обратное влияние: модифицированные идеи возвращаются из России на Запад и обогащают западных экономистов следующих поколений.

В той или иной мере такой механизм, вероятно, применим к любой стране, но специфика России, ее принадлежность европейской культуре и в то же время своеобычность на общем европейском фоне делает выделенный нами процесс Запад — Россия — Запад особо рельефным и культурно значимым. Важным моментом в нашей схеме является выделение тех русских факторов, которые модифицировали западные экономические идеи (Avtonomov, 2021). Мы решили остановиться на следующем наборе:

- этические и религиозные факторы (в связи с православием);
- крестьянский вопрос;
- особое влияние марксизма и критическое отношение к капитализму;
- бурное развитие математики и статистики в России в 1890–1920-х гг.;
- уникальный опыт построения плановой экономики в первые годы советской власти (Avtonomov, 2020).

Это набор, безусловно, не претендует на всеохватность. Входящие в него факторы не являются взаимоисключающими, а, напротив, взаимосвязаны. Интерес

русских экономистов к крестьянскому вопросу, конечно, связан с негативной моральной оценкой крепостного права. Марксизм приобрел особое влияние в России в связи с высокой степенью социального напряжения в стране после крестьянской реформы. Подходы к построению плановой экономики были подготовлены математическим и естественнонаучным багажом некоторых ведущих большевиков и «спецов».

Предложенный нами подход к взаимосвязям западной и русской экономической мысли был реализован в коллективной монографии, где каждому примеру действия данного механизма была посвящена отдельная глава (Avtonomov & Nagemann (Eds.), 2022). Там же дано более подробное изложение разработанного механизма в применении к выдающимся русским экономистам (Avtonomov, 2022). Отметим также, что данная схема чаще всего встречается в отношениях между русской и западной экономической мыслью в период после 1890-х гг., когда экономическая наука в России достигла стадии зрелости и профессионализма. В данной статье мы попробуем разобрать более ранний и менее очевидный пример такого взаимодействия. Речь пойдет о первом российском экономисте, получившем известность на Западе — Андрее Карловиче (Генрихе) Шторхе (Автономов, 2020).

В эпоху Александра I политическая экономия стала в России модной наукой¹ (Цвайнерт, 2007, с. 50–53). Как свидетельствует Н. Греч, император совместно со своими сподвижниками Строгановым, Чарторыжским и Новосильцевым занимались политической экономией (Штейн, 1948, с. 22). «Богатство народов» Смита было переведено на русский в 1802–1806 гг. по решению Правительства России за казенный счет. В либеральную эпоху «дней Александровых прекрасного начала» многими Адам Смит воспринимался в России как пророк свободы: как экономической, так и политической (Автономов, 2020). Миссию донести идеи Смита до русской публики выполняли преимущественно работающие в России немецкие ученые и преподаватели — Г. Шторх, К. Шлецер, Л. Якоб и др. (Широкоград, 2013). В этом нет ничего удивительного. Немцы с успехом служили в России как ученые, военные, медики, ремесленники и государственные служащие, в т. ч. и высоких рангов. Русские студенты все чаще получали образование в немецких университетах, особенно Геттингенском, где преподавал виднейший популяризатор Смита, профессор Г. Сарториус (Широкоград, 2013, с. 95–96, 105). Первый российский учебник политической экономии был опубликован в 1805–1807 гг. на немецком, французском и русском языках Кристианом фон Шлецером, занимавшим первую кафедру политической экономии в Московском университете. Вильгельму Рошеру, как известно, принадлежит тезис о существовании «русской немецкой школы», включавшей кроме Шторха и Шлецера, в частности, Людвига Генриха фон Якоба (1759–1827) и долголетнего министра финансов Георга (Егора) Канкрин (1774–1845) (Avtonomov, 2021).

Тезис Рошера, однако, надо считать преувеличением. Ученых, входящих в его список, мало что объединяло, и школу в строгом смысле они, конечно, не образовывали (Цвайнерт, 2007, с. 83–89). Но то, что основные преподаватели политической экономии в России были немцами, сыграло некоторую роль. Труд Смита был принят в германских государствах с большим энтузиазмом, но достаточно скоро

¹ «Уроки политической экономии в аристократических семьях заняли место наряду с такими традиционными предметами, как музыка и танцы». Аристократическими семьями распространение этой науки не ограничивалось (Блюмин, 1940, с. 50–52).

выяснилось, что проповедь свободной торговли, которую современники считали главной мыслью «Богатства народов», подходит германским государствам гораздо меньше, чем Англии — лидеру мирового индустриального развития. К моменту перевода труда Смита на русский язык немецкие экономисты уже успели адаптировать его доктрину к реалиям менее развитых германских государств, поэтому она унаследовала некоторые черты германского камерализма, содержащего подробное описание правильной государственной политики (*Staatswissenschaftskunst*). Важную роль в этой адаптации сыграл Георг Сарториус из Геттингенского университета (Цвайнерт, 2007, с. 90–91), чей труд «Начальные основания народного богатства» был переведен на русский в 1812 г. П. Кондыревым. Немецкие экономисты, в отличие от англичан, предпочитали органическую, а не механическую картину общества. Можно сказать, что российская действительность располагала немецких профессоров к тому, чтобы еще дальше отойти от английских первоисточников¹ (Автономов, 2020).

2. Андрей Карлович (Генрих) Шторх: биографический очерк

Биография Шторха представляет собой историю многочисленных успехов, достигнутых в области российской науки и государственной службы. Это был человек большого личного обаяния, поскольку его встречи с высокопоставленными сановниками и членами императорской фамилии неоднократно вели его на более высокую ступень карьеры. При этом на каждой ступени он добросовестно занимался тем, что входило в его служебные обязанности, которые часто менялись.

Генрих Шторх (1766–1835) родился в Риге, включенной при Петре I в Российскую империю, учился в соборной² школе, а затем в прославленных немецких университетах Йены и Гейдельберга. По семейным обстоятельствам отказался от должности экстраординарного профессора в Гейдельберге и вернулся в Россию. Здесь сыграла роль рекомендация познакомившегося с ним в Германии русского посланника в Рейнских округах, графа и будущего канцлера Российской империи Николая Петровича Румянцева, создателя знаменитого Румянцевского музея, «который его [Шторха] до того полюбил, что сделал его своим ежедневным собеседником» (Шторх, 2008, с. 1004). В 1788 г. Шторх стал преподавателем словесности на французском языке в Сухопутном кадетском корпусе и в следующем году опубликовал учебник «Общие начала словесности». В 1790 г. он начал работать секретарем начальника внешнеполитического департамента, соратника отца Н.П. Румянцева и еще одного будущего канцлера, А.А. Безбородко, руководившего внешней политикой России. Он запечатлен М.А. Опекушиным среди «Екатерининских орлов» на памятнике Екатерине II в Петербурге (автор памятника М.О. Микешин). Известно, что и сама Екатерина II хотела назначить Шторха своим личным секретарем, чему помешала смерть императрицы. Шторх увлекался статистикой и опубликовал в 1793 г. «Описание Санкт-Петербурга» — выдающийся статистический труд о городе, переведенный на английский, французский и шведский языки. В дальнейшем этот труд превратился в девятитомную «Историческо-статистическую картину Российской империи в конце XVIII века», печатавшуюся

¹ Подробнее о немецком влиянии на российскую экономическую мысль см. (Shirokorad, 2005; Цвайнерт, 2007, с. 90–93).

² Этот достопамятный собор в советское время тавтологично назывался «Домским», хотя по-немецки «Дом» и есть собор.

в 1797–1803 гг. Труды Шторха, положившие начало российской статистике, привели к его избранию в Санкт-Петербургскую академию наук и весьма успешной академической карьере. Он стал членом-корреспондентом с 1796 г., а в 1804 г. был избран первым в истории (не только в России!) академиком по вновь созданному отделению статистики и политической экономии. В 1830 г. Шторх был назначен вице-президентом Академии.

Высокопоставленной благодетельницей Шторха явилась великая княгиня, а затем императрица Мария Федоровна, близко дружившая с Н.П. Румянцевым. С 1797 г. Шторх стал учителем великих княжон, дочерей императора Павла I и Марии Федоровны — Александры, Елены, Екатерины, Марии и Анны, с 1801 г. — чтецом самой императрицы, а с 1809 г. — учителем великих князей Николая и Михаила. Именно из лекций, прочитанных по-французски великим князьям, которые, насколько мы знаем, не произвели сильного впечатления на самого высокопоставленного слушателя — будущего императора Николая I (он называл их усыпительными и рисовал на преподавателя ехидные карикатуры), вырос основной экономический труд Шторха «Курс политической экономии, или изложение начал, обуславливающих народное благоденствие»¹ (далее «Курс...») в шести томах, который и будет объектом нашего рассмотрения.

3. Теория внутренних благ Шторха

«Курс...» Шторха имел оригинальную структуру. Он состоял из двух частей, описывающих две составные части народного благоденствия. Первая из них, «Теория народного богатства», была посвящена изложению теории богатства материального. Здесь Шторх проявил себя преимущественно как последователь Смита и Сэя. Многие их положения он даже без ссылок включил в свой текст², что, впрочем, не выходило за рамки авторской этики того времени (если предшественники точно выразили правильную мысль, ее вполне можно было заимствовать к большей пользе читателя). Но были там и оригинальные моменты. В частности, предлагаемая Шторхом теория ценности была основана не на издержках, а на полезности. Но мы сосредоточимся на гораздо более оригинальной (и сравнимой с первой по объему) второй части «Курса...», которая называется «Теория цивилизации». Любопытно, что французский термин «*civilization*» переводился на другие языки как общественное образование («*gesellige Bildung*») на немецкий, «просвещение» — на русский (в переводе И.В. Вернадского). Но первоначальное значение термина было шире³.

В «Теории цивилизации» излагается оригинальный вклад Шторха в экономическую теорию⁴ — его теория «внутренних», неосязаемых благ, состоящих из трех групп: физических благ (здоровье, умение), духовных благ (просвещение, вкус) и моральных благ (нравы и обычаи, а также культ, т. е. религиозность). Кроме этих

¹ Государство оплатило издательские расходы.

² Это вызвало саркастические комментарии Сэя.

³ Впрочем, и термин *Bildung* имеет на немецком широкое значение, это скорее «человекостроительство», чем образование в узком смысле слова.

⁴ Автор заявляет об этом сам: «Мы имеем дело с новым учением, прекрасные материалы для которого были собраны новыми и древними авторами» (Шторх, 2008, с. 606). В число последних Шторх включил Платона, Аристотеля, Цицерона, Бэкона, Юма, Смита, Фергюссона, Бентама, Гердера, Беккариа и др., а также «всех значительных историков» (Там же).

первичных внутренних благ в их состав входят два вторичных — безопасность и досуг, в который в свою очередь входят «время, душевное спокойствие и обычное достоинство личности» (Шторх, 2008, с. 608–609). Эти вторичные внутренние блага не имеют прямого отношения к свойствам человека, но без них достижение первичных внутренних благ, очевидно, невозможно. Именно через посредство «досуга» осуществляется основная связь между производством материальных и внутренних благ — пока не достигнут некоторый материальный «избыток», производство внутренних благ невозможно.

В отличие от материальных благ, внутренние блага неотделимы от человека и не подлежат покупке или продаже, но труд, их производящий, может быть куплен и продан в виде услуг. Эти услуги исчезают сразу же после того, как были оказаны, но произведенные ими внутренние блага остаются с человеком надолго, а может быть, и на всю жизнь. Именно поэтому, по мнению Шторха, неправы те, кто считают труд, производящий услуги, непроемчивым вследствие их недолговечности. Именно поэтому внутренние блага можно накапливать и превращать в капитал (Шторх, 2008, с. 613). Единственное отличие нематериального капитала от материального заключается в том, что его нельзя заимствовать за рубежом, но и этот недостаток можно устранить путем изучения иностранных языков и приобщения к соответствующим нематериальным источникам просвещения в других странах (Цвайнерт, 2008, с. 75). А отсюда могли быть сделаны выводы для политики развития — не будем забывать, что аудиторию лекций Шторха составляли люди, причастные к управлению будущей Россией, хотя Николай в ту пору, естественно, никак не мог представить, что станет наследником своего брата Александра.

Теорию внутренних благ мы должны признать оригинальным вкладом Шторха. Смит и Сэй затрагивали тему, которую мы сегодня обозначили бы как человеческий капитал, но их подход был скорее «материалистическим»: они подчеркивали аналогию между материальными ресурсами и человеческими способностями. У К. Шлецера была более широкая концепция нематериальных ресурсов, которая, однако, не поднималась на макроуровень (Цвайнерт, 2007, с. 80). Но высшей точки в этом подходе достиг именно Шторх. Его теория внутренних благ не ограничивается дефинициями, а разработана достаточно подробно. В ней нематериальные факторы неизменно находятся в центре внимания. Так, мотивы предоставления услуг включают, помимо материальных, также и моральные мотивы — стремление к уважению и почету, желание нравиться, добродетель, стремление к внутреннему удовлетворению вследствие выполнения долга (Шторх, 2008, с. 621). Например, вознаграждение услуг российских сенаторов заключается преимущественно в оказываемом им почете, поскольку скромное денежное жалование можно считать лишь дополнением (Шторх, 2008, с. 644).

Таким образом, Шторх предпринял достаточно серьезную попытку дополнить политическую экономию анализом нематериальных благ и факторов. Шторхова теория внутренних благ посвящена связи между культурным и экономическим развитием.

4. Что повлияло на экономические взгляды Шторха?

Отдельно стоит вопрос о политических взглядах самого автора и о том, насколько он был свободен их выражать. Дело в том, что критикуемое Шторхом раз-

деление производительного и непроизводительного труда по Смиту звучало в ту эпоху достаточно революционно, поскольку в непроизводительные работники попадали придворные, чиновники, священники и сам государь. Теорию же Шторха в этом отношении можно рассматривать как оправдание существующего порядка и всех участвующих в его поддержании сословий. Что же касается внутренних благ, то важная роль в спросе и предложении их принадлежит государству, которое является основным источником почета и уважения. (Шторх, 2008, с. 633–634; Гловели, Минаева, 2023). Так что, будучи противником рабства, Шторх явно не был противником статуса-кво, который воплощался в России в самодержавном государстве. Шторх был как за свободу, так и за сословия, включая государя, чиновников и священников. Это отличало его от Смита, впитавшего в себя идеалы французского Просвещения. Для Смита лозунги будущей Французской революции, куда вместе со свободой входило и равенство¹, имели явно большее значение, чем для Шторха, воспитанного в более охранительной немецкой традиции, которая во всех смыслах слова пришлась «ко двору» в Российской империи. Блюмин отмечал, что либерализм Шторха был узко и односторонне экономическим, т. е. не распространялся на политику (Блюмин, 1940, с. 174). Но существуют и воспоминания современников (например, Джона Боуринга), свидетельствующие, что Шторх был либералом и по убеждениям, которые, однако, не мог в российских условиях высказать открыто (Штейн, 1948, с. 27–28). При этом лукавым царедворцем его тоже не назовешь².

В связи с этим представляется неожиданной оценка теории внутренних благ К. Марксом в «Теориях прибавочной стоимости». С точки зрения Маркса, самого яростного критика буржуазных вульгаризаторов, сикофантов, пошляков, ослов и т. д., Шторх был «еще самым выдающимся из „*dii minorum gentium*” [божеств низшего рода — лат.]», занимавшихся разработкой учения о производительном труде (Маркс, 1978, с. 157). «Анри Шторху» К. Маркс посвящает целый параграф (Маркс, 1978, с. 278–282), причем тональность его на удивление спокойна на фоне других параграфов того же раздела. Главное, и, по сути, единственное, за что Маркс критикует шторховскую теорию цивилизации — это неисторизм и претензия на универсальность. «Чтобы исследовать связь между духовным и материальным производством, необходимо рассматривать это последнее в его отдельной исторической форме». Поскольку он этого не делает, то «у Шторха теория цивилизации не идет дальше тривиальных фраз, хотя у него и встречаются несколько остроумных замечаний, например, о том, что материальное разделение труда является предпосылкой разделения духовного труда» (Маркс, 1978, с. 275). То есть проблему, постав-

¹ Здесь вполне можно согласиться с оценкой Маркса, согласно которой Смит говорит языком «все еще революционной буржуазии» (Теории прибавочной стоимости, Т. 1, с. 253).

² Протицируем здесь длительный и красноречивый фрагмент из авторского предисловия к Курсу: «Политическая экономия затрагивает иногда довольно щекотливые вопросы. Я бы изменил доверию, которого был удостоен, если бы представлял своим высоким ученикам эти вопросы в свете, отличном от света истины и разума... Если всякий писатель должен защищать истину и человечество, то в особенности этот долг лежит на воспитателе, обращающем свою речь к Великим князьям, мнение которых столь сильно влияет на судьбу народов. ...много хорошего, высказанного моим ученикам на лекциях, не соответствовало печати. В стране монархической и у народа, сильно преданного своим обычаям, писатель должен быть осмотрительным, если не хочет повредить делу разума вместо того, чтобы быть ему полезным. Однако эта осмотрительность не заставила меня отказаться от независимости моих мнений: иначе бы я не обнаружил моего сочинения» (Шторх, 2008, с. 37).

ленную Шторхом, можно решать только применительно к специфическому способу производства, а не к истории человечества вообще, как это делает А. Шторх. Иными словами, К. Маркс никак не отрицает важность поставленной Шторхом проблемы, но заявляет, что он сам подошел бы к ней иначе, если бы этим занялся. Видимо, он делал бы это в духе упомянутого остроумного замечания Шторха.

Поскольку в центре нашего внимания находится схема взаимовлияния русской и западной мысли, нам важно обсудить национальную идентичность Шторха-экономиста. Он был немцем, получившим образование в немецких университетах, но писавшим преимущественно по-французски. В западных историях экономической мысли его считают немецким экономистом (Rentrup, 1989, p. 3), в то время как русские историки единодушно причисляют Андрея Карловича к своим соотечественникам. Вся его научная и общественная жизнь связана с Российской империей и почти все его произведения имеют дело с российскими реалиями. Во всяком случае, можно согласиться с Й. Цвайнертом, который детально разобрал данный вопрос и назвал его посредником между Западной Европой и Россией (Цвайнерт, 2007, с. 68).

Конечно, субъективная немецкая традиция сыграла свою роль и повлияла на восприятие Шторхом смитианства. Для нее (Лейбниц, Вольф и др.) был характерен антропоцентризм, в центре внимания стоял человек, его нужды и его активность, в отличие, например, от Локка, для которого человеческое сознание — чистый лист, пассивно воспринимающий внешние впечатления. Из предшественников А. Шторха в Германии можно назвать Готлиба Хуфеланда (1760–1817), давшего субъективистскую интерпретацию таким экономическим категориям, как блага, ценность, богатство, и подчеркнувшим роль знания в оценке ценности. Шторх считал Хуфеланда (в русском переводе неверно именуется Хуфландом) одним из своих важнейших предшественников. Немецким идейным предшественником Шторха можно, видимо, считать и «романтического экономиста» Адама Мюллера, указывавшего на значение духовного капитала для развития национальных экономик (Цвайнерт, 2007, с. 79–80).

Какое влияние предположительно оказали на теорию внутренних благ специфически российские обстоятельства, в которых протекала деятельность Андрея Карловича? Из приведенного выше перечня специфических российских факторов, к Шторху, несомненно, имеет отношение духовное и нравственное начало¹. Для русской мысли оно характерно с самого начала (достаточно вспомнить Ивана Посошкова) и отмечается на всем ее протяжении. Как весьма русская деталь звучит в трактате А. Шторха подчеркивание важного значения «безопасности» и роли государства в ее соблюдении. Но мы не должны забывать, что и фритредер Смит, отстаивая протекционистский «Навигационный акт» 1651 г., без колебаний делал исключение для него по соображениям национальной безопасности, которые всегда важнее экономических. Конечно, обращает на себя внимание частое упоминание в тексте Шторха «рабства» (крепостного права), влияние которого на цивилизацию (рождаемость, мораль, знания и науки, безопасность и пр.) однозначно полагается существенным и негативным (Автономов, 2020). Этому посвящена специальная глава. Примеры, приводимые Шторхом, в основном относятся не к российской жизни, но есть исключения: прямые сопоставления России со США — классической рабовладельческой страной; упоминание «рабов» на промышленных пред-

¹ Рассуждения об этом см. (Цвайнерт, 2007, с. 94).

приятнях, участь которых хуже, чем у рабов-крестьян (Шторх, 2008, с. 652, 630); ссылаясь на крестьянские восстания.

Степень погружения Шторха в крестьянский вопрос в России хорошо иллюстрирует другое его произведение «Россия при Александре I». Там А. Шторх описывает различные формы, в которых может осуществляться освобождение российских крестьян (Блюмин, 1940, с. 191, сн. 4). Интересно, что такой глубокий исследователь, как И. Г. Блюмин, считал, что по своим взглядам на крепостное право Шторх стоял весьма близко к правому крылу декабристов (например, к Н. Тургеневу).

Можно также отметить подчеркивание «цивилизационного» превосходства сельского хозяйства над промышленностью (особенно в том, что касается здоровья, навыков, моральных норм — но не вкусов и знаний!) (Автономов, 2020). Конечно, во времена Шторха промышленность была отмечена долгим рабочим днем, детским трудом и другими неприятными явлениями. Сельский труженик, работающий на свежем воздухе, владеет разнообразными производственными навыками в отличие от узко специализированных промышленных рабочих. Будучи лично свободным (речь, напомним, идет не о русском крестьянине), такой сельский труженик имеет много преимуществ перед отчужденным (пользуясь весьма уместным здесь Марксовым термином) промышленным рабочим (Шторх, 2008, с. 652, 663). Лозунгом Шторха могла бы стать фраза Андрея Вознесенского «Все прогрессы реакционны, если рухнет человек».

А. Шторх исследовал, что происходит с каждым внутренним благом при переходе от сельскохозяйственной стадии к промышленной, и нашел, что в некоторых случаях (здоровье, умения и мораль) ситуация ухудшается (Шторх, 2008, с. 650–663, с. 674–685). С другой стороны, эстетические вкусы и знания улучшаются в промышленную эпоху. Таким образом, теория внутренних благ позволила Шторху подчеркнуть преимущества сельскохозяйственной стадии, на которой находилась в то время Россия (здесь могло проявиться и влияние Смита с унаследованным от физиократов почтением к сельскохозяйственному труду)¹ (Автономов, 2021). Экономическое развитие России Шторх видел в сохранении на достаточно долгий срок сельскохозяйственной специализации и в осуществлении взаимовыгодной внешней торговли.

5. Выводы

Мы сочли возможным рассмотреть Шторха как пример действия описанной нами в начале статьи схемы, поскольку, будучи смитианцем, он явил своим творчеством (не без влияния российских факторов) «переходный мостик» к исторической школе². Здесь можно вспомнить, прежде всего, что А. Шторх описывал предмет политической экономии как изучение человеческой природы, состояния и судьбы обществ в разное время в разных местах.

Кроме того, важные моменты сближают Шторха с Фридрихом Листом (которого, на наш взгляд, не принято считать представителем исторической школы лишь по причине неакадемического характера его трудов). Здесь можно отметить прежде всего аргументацию Листа против трактовки Смитом и Сэмом умственного труда как непроизводительного (Лист, 2017, с. 174), затем «родственные» схемы стадий развития у Шторха в книге 8 (пастушеская, земледельческая,

¹ Более подробно о вкладе Шторха в аграрную проблематику см. (Гловели, Минаева, 2023, с. 36).

² Предтечей исторической школы называл его признанный основатель последней Вильгельм Рошер (Цвайнерт, 2008, с. 73).

мануфактурная) и у Листа¹, на которые обращал внимание И.Г. Блюмин (Блюмин, 1940, с. 178), а также то обстоятельство, что список внутренних благ Шторха полностью совпадает (вплоть до порядка изложения) со списком производительных сил в «Национальной системе политической экономии» Листа (Лист, 2005)². С Ф. Листом роднит А. Шторха и модернизационный пафос, хотя политические рекомендации их противоположны — Шторх является в «Курсе...» верным последователем свободной торговли³, а Лист — классический представитель протекционизма. Может быть, именно поэтому Ф. Лист счел нужным не сослаться в своей книге на Шторха, с трудом которого был знаком⁴. Таким образом, можно сделать вывод, что российский экономист А. Шторх преобразовал классическую теорию в более «духовную» версию, включающую теорию внутренних благ, которую унаследовал Ф. Лист, исторический экономист по духу (Автономов, 2020).

Учение Шторха о нематериальном капитале получило «очень широкое распространение» в русской экономической литературе (Блюмин, 1940, с. 187). В России к его наследникам, употребляющим понятие нравственного капитала, можно отнести Т. Степанова, А. Бутовского, И. Горлова, Н. Чернышевского, И. Вернадского, переведшего первые книги «Курса...» на русский язык⁵, И. Бабста, Н. Бунге, Д. Пихно⁶. Особенный успех идеи Шторха имели у представителей киевской школы политической экономии (Дмитриев, Хованов, 2013, с. 133).

А. Шторх был первым российским экономистом, получившим широкую известность в Западной Европе. Его хвалил Мак-Куллох как наиболее продвинутого экономиста с европейского континента, Рау переводил на немецкий, а Сэй критиковал (но при этом издавал!) (Автономов, 2020). Ведущий историк экономической науки Жером Бланки отвел «знаменитому Шторху» первое место в Европе среди представителей «эклектической политической экономии» (Гловели, Минаева, 2023, с. 34). В Западной Европе кроме Листа можно упомянуть некогда влиятельного (в том числе и в России) французского экономиста Ш. Дюнуайе (1786–1862). На самом деле Дюнуайе упомянул Шторха в сноске (Dunoyer, 1846, p. 226 f.2), где отметил, что Шторх справедливо критиковал Сэя за смешивание труда, произво-

¹ Кстати, производство внутренних благ, по Шторху, возможно только на стадии, когда материальные блага производятся в достаточных количествах (Rentrup, 1989, p. 57).

² На это обратил внимание Й. Цвайнерт (Цвайнерт, 2008, с. 1940, с. 76).

³ Блюмин отмечает, что ранее в работе «Историко-статистическая картина Российской империи в конце 18-го столетия» (издана в 1797–1803 гг.) Шторх подчеркивал преимущества промышленности по сравнению с сельским хозяйством ввиду более высокой производительности индустриального труда и придерживался более протекционистских взглядов (Блюмин, 177). Но содержащийся в более позднем «Курсе...» «призыв довериться естественному ходу вещей лил воду на мельницу русского дворянства» (Блюмин, 179). Может быть, здесь как раз позиция Шторха как выпускника германских университетов со временем претерпела изменения под влиянием его служебной карьеры высокопоставленного российского чиновника. К тому же, русским землевладельцам свободная торговля была более выгодна и симпатична, чем протекционизм.

⁴ «Учения Шторха пользовались в России не меньшим уважением, чем сочинения Сэя в Германии», — иронически пишет Лист (Лист, 2017, с. 134), имея в виду только проповедь свободной торговли.

⁵ Остальному тексту (включая всю часть о теории цивилизации) пришлось дожидаться знакомства с русскими читателями до 2008 года.

⁶ Влияние Шторха на следующие поколения российских экономистов проанализировано И.Г. Блюминым (Блюмин, 1940, с. 187–188), А.Л. Дмитриевым (Dmitriev, 2005; Дмитриев, Хованов, 2013).

дящего нематериальные блага, с его продуктами — самими этими благами. Шторх сделал это за 12 лет до Дюнуайе, но последний утверждал, что не знал книгу Шторха до того, как сам пришел к аналогичному выводу. По мнению Дюнуайе, А. Шторх не сделал нужных выводов из этого тезиса, так что, вероятно, о прямом воздействии Шторха на Дюнуайе мы можем говорить лишь с осторожностью, но отметим, что французский экономист, как и Шторх, посвятил много места описанию и анализу культурных факторов экономической жизни. В Англии Шторх не получил широкого признания, поскольку британские экономисты, по крайней мере, начиная с Рикардо, работали на более абстрактном уровне (Автономов, 2021). Видимо, непосредственное влияние учения Шторха о внутренних благах было заметно (отчасти, через Дюнуайе) только среди русских экономистов, особенно у последователя Дюнуайе, А.И. Бутовского, и И.В. Вернадского (Zweynert, 2004, p. 537).

Более поздние (неосознанные) отголоски теории внутренних благ Шторха можно найти в теории человеческого капитала Т. Шульца и Г. Беккера, как и в «Экономике семьи» того же Беккера (у Шторха при производстве внутренних благ учитываются время и цены рыночных благ, качество детей для семьи.) Можно упомянуть и о теории свойств благ Кевина Ланкастера, и рассуждения о разделении знаний Хайека. Но в этих случаях мы можем говорить не о непосредственном влиянии Шторха, а о том, что затронутые им темы оказались впоследствии важными для многих европейских экономистов.

Список источников

Автономов, В. С. (2020). Запад-Россия-Запад: трансфер экономических идей. *IV Российский экономический конгресс «РЭК-2020». Том II. Тематическая конференция «Методология, история экономической мысли и экономическая история» (сборник материалов)*. Москва.

Блюмин, И. Г. (1940). *Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века*. Москва, Ленинград: Издательство Академии наук Союза ССР, 286.

Гловели, Г. Д., Минаева, Е. А. (2023). Критическое и некритическое смитианство Генриха Шторха, или десница и шуйца «системы естественной свободы». *Вопросы теоретической экономики*, 1, 32–45. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_1_32_45

Дмитриев, А. Л., Хованов, Н. В. (2013). Восприятие идей классической школы политэкономии: А. К. Шторх и Н. А. Полевой. Под ред. И. И. Елисеевой и А. Л. Дмитриева. *Взаимосвязи российской и европейской экономической мысли: опыт Санкт-Петербурга* (с. 115–145). Санкт-Петербург: «Нестор-История».

Лист, Ф. (2017). *Национальная система политической экономии*. Москва, Челябинск: Социум, 456.

Маркс, К. (1987). *Теории прибавочной стоимости*. Часть I. Москва: ИПЛ.

Мухина, В. С. (2018). Духовное производство — важнейшее условие развития сознания и духовности человечества. *Развитие личности*, 3, 10–16.

Святловский, В. В. (1923). *История экономических идей в России. Т. 1: Меркантилизм, физиократизм, классическая школа и ее разветвления*. Петроград: Начатки знаний, 238.

Цвайнерт, Й. (2007). *История экономической мысли в России 1805–1905*. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ, 409.

Широкоград, Л. Д. (2013). Влияние немецкой экономической науки на развитие политической экономии в России. Под ред. И. И. Елисеевой и А. Л. Дмитриева. *Взаимосвязи российской и европейской экономической мысли: опыт Санкт-Петербурга* (с. 89–114). Санкт-Петербург: «Нестор-История».

Штейн, В. М. (1948). *Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX-XX веков*. Ленинград: Издательство Ленинградского Гос. Университета, 357.

Шторх, А. (2008). *Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. Размышление о природе национального дохода*. Москва: Издательский дом «Экономическая газета».

Avtonomov, V. (2022). West-Russia-West: Early Interaction in Economic Thought. Cases of Storch and Chernyshevsky. In V. Avtonomov, H. Hagemann (Eds.). *Russian and Western Economic Thought: Mutual Influences and Transfer of Ideas* (pp. 15–26). https://doi.org/10.1007/978-3-030-99052-7_2

Avtonomov, V. S. (2021). West–Russia–West: Early cases of interaction in economic thought. *Russian Journal of Economics*, 7(1), 9–18. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.7.55458>

Avtonomov, V., Hagemann, H. (Eds.) (2022). *Russian and Western Economic Thought: Mutual Influences and Transfer of Ideas*. Springer.

Barnett, V. (2004). *The Revolutionary Russian Economy, 1890–1940. Ideas, Debates and Alternatives*. London, New York: Routledge.

Dmitriev, A. N. (2005). Heinrich von Storchs Werk aus russischer Sicht. In H. Rieter, L. Širokorad, J. Zweynert (Hg.) *Deutsche und russische Ökonomen in Dialog* (S. 71–100). Marburg: Metropolis Verlag.

Dunoyer, C. (1846). *De la liberté du travail*. Paris: Librairie de Guillaumin.

Normano, J. (1945). *The Spirit of Russian Economics*. New York: John Day Co.

Rentrup, K. (1989). *Heinrich von Storch, das “Handbuch der Nationalwirtschaftslehre” und die Konzeption der “inneren Güter”*. Heidelberg: Physica-Verlag.

References

Avtonomov, V. (2022). West-Russia-West: Early Interaction in Economic Thought. Cases of Storch and Chernyshevsky. In V. Avtonomov, H. Hagemann (Eds.). *Russian and Western Economic Thought: Mutual Influences and Transfer of Ideas* (pp. 15–26). https://doi.org/10.1007/978-3-030-99052-7_2

Avtonomov, V. S. (2020). Zapad-Rossiya-Zapad: transfer ekonomicheskikh idey [West-Russia-West: The transfer of economic ideas]. *IV Rossiyskiy ekonomicheskii kongress «REK-2020». Tom II. Tematicheskaya konferentsiya «Metodologiya, istoriya ekonomicheskoy mysli i ekonomicheskaya istoriya» (sbornik materialov) [IV Russian Economic Congress REC-2020. Volume II. Thematic conference “Methodology, history of economic thought and economic history” (collection of materials)]*. Moscow, Russia. (In Russ.)

Avtonomov, V. S. (2021). West–Russia–West: Early cases of interaction in economic thought. *Russian Journal of Economics*, 7(1), 9–18. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.7.55458>

Avtonomov, V., & Hagemann, H. (Eds.) (2022). *Russian and Western Economic Thought: Mutual Influences and Transfer of Ideas*. Springer.

Barnett, V. (2004). *The Revolutionary Russian Economy, 1890–1940. Ideas, Debates and Alternatives*. London, New York: Routledge.

Blyumin, I. G. (1940). *Ocherki ekonomicheskoy mysli v Rossii v pervoy polovine XIX veka [Essays of economic thought in Russia in the first half of the XIX century]*. Moscow, Leningrad, the USSR: the USSR Academy of Sciences Publishing House, 286. (In Russ.)

Dmitriev, A. L., & Khovanov, N. V. (2013). Vospriyatie idey klassicheskoy shkoly politekonomii: A. K. Shtorkh i N. A. Polevoy [Perception of the ideas of the classical school of political economy: A. K. Storch and N. A. Polevoy]. In I. I. Eliseeva, A. L. Dmitriev (Eds.), *Vzaimosvyazi rossiyskoy i evropeyskoy ekonomicheskoy mysli: opyt Sankt-Peterburga [Relationships between Russian and European economic thought: The experience of St. Petersburg]* (pp. 115–145). St. Peterburg, Russia: Nestor-Istoriya Publishing House. (In Russ.)

Dmitriev, A. N. (2005). Heinrich von Storchs Werk aus russischer Sicht. In H. Rieter, L. Širokorad, J. Zweynert (Hg.) *Deutsche und russische Ökonomen in Dialog* (S. 71–100). Marburg: Metropolis Verlag. (In German)

Dunoyer, C. (1846). *De la liberté du travail*. Paris: Librairie de Guillaumin. (In French)

Gloveli, G. D., & Minaeva, E. A. (2023). The Critical and Non-Critical Smithianism of Heinrich Storch, or the Right and Left Hands of the “System of Natural Freedom”. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory]*, 1, 32–45. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_1_32_45 (In Russ.)

- List, F. (2017). *Natsional'naya sistema politicheskoy ekonomii [National System of Political Economy]*. Moscow, Chelyabinsk, Russia: Sotsium, 456. (In Russ.)
- Marx, K. (1987). *Teorii pribavochnoy stoimosti [Theories of Surplus Value]*. Part I. Moscow, the USSR: IPL. (In Russ.)
- Mukhina, V. (2018). Spiritual Production — Essential Condition for Development of Mankind's Consciousness and Spirituality. *Razvitie lichnosti [Development of Personality]*, 3, 10–16. (In Russ.)
- Normano, J. (1945). *The Spirit of Russian Economics*. New York: John Day Co.
- Rentrup, K. (1989). *Heinrich von Storch, das "Handbuch der Nationalwirtschaftslehre" und die Konzeption der "inneren Güter"*. Heidelberg: Physica-Verlag. (In German)
- Shiokorad, L. D. (2013). Vliyaniye nemetskoy ekonomicheskoy nauki na razvitie politicheskoy ekonomii v Rossii [The influence of German economic thought on political economy in Russia]. In I. I. Eliseeva and A. L. Dmitriev (Eds.), *Vzaimosvyazi rossiyskoy i evropeyskoy ekonomicheskoy mysli: opyt Sankt-Peterburga [Relationships between Russian and European economic thought: the experience of St. Petersburg]* (pp. 89–114). Saint-Petersburg, Russia: Nestor-Istoriya Publ. (In Russ.)
- Shtein, V. M. (1948). *Ocherki razvitiya russkoy obshchestvenno-ekonomicheskoy mysli XIX-XX vekov [Essays on the development of Russian socio-economic thought in XIX-XX centuries]*. Leningrad, the USSR: Leningrad State University Publishing, 357. (In Russ.)
- Shtorch, A. (2008). *Kurs politicheskoy ekonomii, ili Izlozhenie nachal, obuslovlivayushchikh narodnoye blagodentstvie. Razmyshlenie o prirode natsional'nogo dokhoda [Course of political economy, or an exposition of the principles that determine the people's well-being]*. Moscow, Russia: Publishing House Economic Newspaper. (In Russ.)
- Svyatlovskiy, V. V. (1923). *Istoriya ekonomicheskikh idey v Rossii. T. 1: Merkantilizm, fiziokratizm, klassicheskaya shkola i ee razvetvleniya [History of economic ideas in Russia. Vol. 1: Mercantilism, physiocracy, the classical school and its branching]*. Petrograd, the USSR: Nachatki znaniy. (In Russ.)
- Zweynert, J. (2007). *Istoriya ekonomicheskoy mysli v Rossii 1805–1905 [A history of economic thought in Russia: 1805–1905]*. Moscow, Russia: HSE Publishing House, 409. (In Russ.)

Информация об авторе

Автономов Владимир Сергеевич — доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН; <https://orcid.org/0000-0001-8169-729X> (Российская Федерация, 109028, г. Москва, Покровский бульвар, 11; Российская Федерация, 117997, г. Москва, Профсоюзная ул., 23; e-mail: vavtonomov@hse.ru).

About the author

Vladimir S. Avtonomov — Dr. Sci. (Econ.), Corresponding Member of RAS, Professor, National Research University Higher School of Economics; Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of RAS; <https://orcid.org/0000-0001-8169-729X> (11, Pokrovsky Bulvar, Moscow, 109028, Russian Federation; 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: vavtonomov@hse.ru).

Дата поступления рукописи: 20.11.2023.

Прошла рецензирование: 04.12.2023.

Принято решение о публикации: 29.02.2024.

Received: 20 Nov 2023.

Reviewed: 04 Dec 2023.

Accepted: 29 Feb 2024.